

A dark, atmospheric hallway with a person in a hooded cloak at the end. The hallway is dimly lit by a single light fixture on the ceiling. The walls are dark and textured, and the floor is also dark. The person at the end of the hallway is wearing a dark, hooded cloak and is standing with their back to the camera. The overall mood is mysterious and unsettling.

Павел Мещеряков

Изнанка разума. Том 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Мещеряков

Изнанка разума. Том 1

<https://litres.ru/74585747>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в мир, где реальность — это иллюзия, а человеческое сознание — самое опасное оружие.

Этот сборник — шесть входов в неизведанное. Каждая история — это отдельная вселенная, где привычное рушится, обнажая нечто пугающее и завораживающее. Здесь нет случайных жертв и простых решений. Только тонкая грань между порядком и хаосом, которую так легко переступить.

От психологического триллера до хоррора и космической оперы — каждая история проверяет границы разума на прочность. И заставляет задаться вопросом: что останется от вас, если снять все защитные слои?

«Изнанка разума» — это сборник для тех, кто не боится смотреть в бездну. Потому что бездна уже смотрит на вас.

Павел Мещеряков

Изнанка разума. Том 1

Рассказ №1

... Стол Маркуса в здании ФБР на Заречной, 12-Б был островком контролируемого хаоса посреди казенной чистоты кабинета. Не папки с различными грифами дел определяли его ландшафт, а гигантская, на всю стену, карта города. Она была живой, дышащей, истерзанной. Сейчас на ней красовались - если такое выражение имеет место быть - фотографии шестнадцати жертв, как черные метки, были приколоты булавками к точкам их последнего шага. Красные нити, тугие и неумолимые, сплетали между ними паутину, которую видел только мужчина. На первый взгляд – хаотичная паутина. Для Маркуса же – узор, вытканый безумием и расчетом.

Месяцы. Они слились в один непрерывный поток кофе, бессонницы и цифр. Поначалу было сомнение: "Паранойя, Маркус? Устал?" Но его внутренний компас, тот самый, что безошибочно всегда находил ядро в самом невнятном деле, жужжал неумолимо. Случай с суицидом подростка, выпругившем из окна на районе Кораблестроителей – печальная, но уже бытовая для большинства людей и структур статистика. Женщина средних лет в чужой квартире, также выбравшаяся вниз? Странно, но, возможно, личная драма. Вот только когда в том же районе через шесть дней прыгнула сту-

дентка – красная лампочка в мозгу Маркуса вспыхнула на полную мощность. Шаблонность причин, которые раздавали как конфетки, резала слух. Он нырнул в архивы.

И там нашел их. Два "самоубийства" за три месяца до первого подростка. На другом конце города, в районе Заречье. Разные районы, разные люди. Никто ничем не связал. Но Маркус увидел почерк. Тот же "метод": падение из окна без свидетелей, отсутствие явных мотивов, идеально подогнанные под шаблон обстоятельства. Тренировка. Черновик.

Потом пошла основная партия. Кораблестроители: сначала подросток, через день женщина, спустя шесть дней студентка, а потом счастливый семьянин. Четыре жертвы за неделю. Для города – шок, для полиции – аврал, для Маркуса – экзамен маньяка. Проверка системы: как быстро сработают службы, насколько глубоко копнут, как проглотят шаблон. Система сдала. Маньяк – сдал на "отлично". И тут началась Большая игра. Каждый день. Как по расписанию. Но не по календарю.

Это было ключом. Маркус погрузился в цифры. Даты, время падения (когда удавалось установить точно), возраст жертв, номера домов и квартир, этажи. Он строил таблицы, графики, искал корреляции. Обычные связи – родственные, социальные, географические – рвались как гнилые нитки. Жертвы были разными, как люди из разных вселенных. Связь была иной. Абстрактной. Математической.

И он ее нашел. Три числа - 4, 13, 22. Они всплывали вновь

и вновь. Иногда как сумма цифр даты смерти и адреса. Иногда как результат вычитания времени предполагаемого толчка от времени приезда скорой. Иногда замаскированными в возрасте жертвы и номере этажа. Всегда эта триада. Фундамент. Ритуал. Смысл, понятный только убийце.

Маркус перестал видеть людей. Он видел переменные в этом чудовищном уравнении. Каждая смерть была подстановкой значения, приближающей маньяка к решению его личной, искаженной задачи. "Чистота", – подумал Маркус однажды глубокой ночью, стирая с доски неудачную комбинацию. "Он ищет чистоту через гармонию чисел. Убийство для него – акт наведения порядка." Эта мысль леденила сильнее самого горького кофе.

Поиск самого маньяка стал задачей на сопоставление. Кто имеет доступ ко всем районам? Кто достаточно незаметен? Чье присутствие не вызовет вопросов? Кто обладает педантичностью и аналитическим складом ума, доведенным до патологии? Маркус отмел профессии, связанные с прямой властью или харизмой. Искал "серую мышку". Аналитик? Бухгалтер? Инженер? Архивы ЗАГС, военкоматов, налоговой... Поиск по психоневрологическому учету дал слабый след – человек, обращавшийся лет десять назад с жалобами на "навязчивые цифры". Лео Марк. Инженер-проектировщик коммуникаций. Работал в подрядных организациях по всему городу. Ни семьи, ни близких друзей. Жил один в старом доме на окраине. Адрес совпал с районом, где были зафиксирова-

ны аномально высокие, но списанные на случайность, скачки энергопотребления в ночное время в дни убийств – возможно, работа мощного ПК или сервера.

Маркус проверил все. Марк жил или работал в радиусе 2 км от каждого места убийства в течение месяца до события. Его мобильные вышки ловили сигнал телефона в ключевые моменты. И главное – его личный календарь, сличенный через агентуру в его коммунальной службе, где тот аккуратно отмечал дни выноса мусора, показал странные пустые окна, совпадающие по времени с убийствами. Он был везде и нигде. Идеальный невидимка.

Карта на стене пылала красным паутинным пожаром. Маркус стоял перед ней. В руке – последняя кружка остывшего и горького до невозможности кофе. Его взгляд скользил от фотографии первого подростка к последней жертве – пожилому часовщику, прыгнувшему вчера из окна поликлиники. Шестнадцать точек. Шестнадцать переменных. Шестнадцать шагов к безумию.

В голове – не эмоции. Алгоритм. Он знал адрес: улица Ленг-Аллан, дом 17, квартира 22. Именно 22. Число из триады. Знаковое. Он знал, что Марк там. Расчеты маньяка, его последнее "уравнение", по данным перехвата его скудных цифровых следов - он был осторожен, но не настолько, чтобы скрыть поиск открытых данных о самом Маркусе – рост, вес, примерный возраст, - указывали на необходимость новой особой переменной. Агента ФСБ. Маркус понял: он –

часть плана. Заключительный аккорд. Либо цель, либо инструмент для финального, совершенного вычисления.

Он допил кофе до дна. Горечь разлилась по горлу, проясняя сознание. Ни страха, ни азарта. Холодная уверенность стального шарика в ловушке для игры в пинбол. Он бросил последний, цепкий взгляд на карту. На красные нити, сходящиеся теперь в одну точку – квартиру на Лэнг-Аллан. Всё совпало. Все пазлы. Все цифры.

Резким, отработанным движением он потянул нижний ящик стола. Не новенький, а старый и добрый, проверенный временем и не одним перестрелкой, кольт M1911A1. Металл был холодным и успокаивающе твердым в руке. Проверка обоймы - полная. Взволом курка плавным усилием большого пальца. Щелчок прозвучал громко в тишине кабинета. Затворная задержка. Готов.

Маркус сунул кольт в кобуру на подтяжках под мышкой. Легкое и привычное давление стали на ребра. Затем накинул чуть помятый и неброский коричневый пиджак – не парадная форма, а рабочая одежда для "темных" дел. Застегнул его на одну пуговицу, прикрывая кобуру. Взял ключи от старого и не привлекающего внимания ранее конторского, а после выкупа - его личного Ford Crown Victoria

Ни слова коллегам. Ни доклада начальству. Этот путь он начал один, один его и закончит. Его расчет против расчета маньяка. Его правда против его безумия.

Дверь кабинета закрылась за ним с тихим щелчком. Он

шел по пустынному коридору быстрым, бесшумным шагом. Тень, движущаяся навстречу другой тени. В голове – не лица жертв, а чистые, холодные цифры: 4... 13... 22. И адрес. Финал уравнения приближался. Он вышел в прохладную, темную ночь, услышав не последок пожелание доброй ночи от старины Фрэда - постоянного охранника. Сел в машину. Поворот ключа, урчание двигателя. Фары разрезали тьму, высвечивая путь к Лэнг-Аллан, 17. Квартира 22. К последнему числу. К маньяку.

Путь занял не более 15 минут, в это время город уже пуст, лишь редкие автомобили, перевозящие своих водителей с ночной смены, либо шатающиеся редкие силуэты пьянчуг в тёмных подворотнях. Иногда - влюблённая пара. Слёгка визгнув колёсами, Форд встал около семиэтажного здания, смотрящего пустыми глазницами окон прямо ему у душу, стремясь вынуть её. Не глуша двигатель, Маркус вышел из машины и поднял воротник пиджака - внезапный холодок куснул за шею. Что это: понижение температуры ближе к зиме или предчувствие?

Внутри из неспящих был лишь консьерж пожилого возраста, которому Маркус сунул пять долларов под окошко во избежание вопросов. Квартира 22 находилась на втором этаже в самом конце коридора и, словно намекая на её постояльца, лампа над дверью зловеще мигала, то выводя, то скрывая от взора узор во всю площадь дерева - молнию⚡. По спине побежал холодок, но отступить уже было поздно. Мужчина

приблизился к двери. Стук. Ещё один. Звук быстрых шагов. Щелчок замка. Мурашки.

Дверь открылась нешироко, цепочка туго натянулась. В щели – бледное, невыразительное лицо. Мужчина лет сорока, в растянутом домашнем свитере. Глаза, казалось, смотрели сквозь меня, в пустоту коридора.

– Лео Марк? – мой голос прозвучал ровно, профессионально нейтрально. Негромко, но так, чтобы пробить эту завесу отстраненности.

Он медленно кивнул. Без интереса. Без страха. Словно ожидал курьера с пищей.

– ФБР. Для разговора, – я показал удостоверение, прижимая его к дверному косяку так, чтобы он видел только печать и фото, но не мог рассмотреть детали. Долгие секунды он просто смотрел на корочку, потом его взгляд скользнул к моему лицу. Что-то мелькнуло в глубине этих безжизненных глаз. Не тревога. Не удивление. Любопытство? Как у ученого, наблюдающего за редким экземпляром насекомого.

Цепочка щелкнула, отстегнулась. Дверь отворилась полностью.

– Проходите, – его голос был тихим, монотонным, лишенным всякой интонации.

Квартира поражала стерильностью. Не просто чистотой – пустотой. Минимум мебели, белые стены без единой картины или фотографии. Запах? Не было никакого запаха. Ни пыли, ни еды, ни жизни. Только легкий химический оттенок

бытового чистящего средства. В центре гостиной – простой стол. На нем – ноутбук, стопка аккуратно сложенных бумаг и... калькулятор? Старый, дешевый, с резиновыми кнопками. Рядом – блокнот в клеточку, раскрытый на странице, испещренной столбиками цифр.

Лео Марк прошел к столу, оставив дверь нараспашку, сел спиной к окну, за которым мерцали огни спального района. Не предложил сесть мне. Просто ждал. Его руки лежали на коленях, пальцы неподвижны.

Пройдя внутрь и затворив дверь (зря?), Маркус остался стоять там. Не приближаясь. Не снимая пиджака. Пульс был ровным, холодным. Как перед операцией.

– Шестнадцать человек, Марк, – начал я, медленно обводя взглядом пустую комнату, останавливаясь на его лице. – За четыре месяца. От Кораблестроителей до Заречья. Все – через окно. Все – оформлены как суициды. Очень аккуратно. Профессионально.

Он молчал. Но уголок его губ дрогнул – микроскопическая судорога, которую не заметил бы никто, кроме того, кто ищет. Удовлетворение? Нет. Подтверждение правильности расчетов.

– Тренировка, – продолжил Маркус, сделав шаг к столу. Тень легла на его блокнот. – Первые два. На окраине. Малоизвестные, неинтересные СМИ. Отработка метода. Потом – экзамен. Четыре жертвы на Кораблестроителях за полторы недели. Разные: подросток, женщина, студентка, семьянин.

Проверка на стресс, на скорость реакции системы, на шаблонность мышления полиции и прессы. Экзамен сдан на "отлично", - сухо констатировал мужчина факты, и теперь Лео смотрел прямо на него, и в этом взгляде появился слабый, почти незаметный блеск. Интеллектуальный азарт.

– И пошла большая игра, – голос Маркуса стал тише и жестче. – Каждый день. Как по расписанию. Но не по расписанию календаря, Марк. По расписанию цифр. Времени падения. Даты. Возраста жертвы. Номера дома и квартиры. Все сводилось к ним. К тем самым числам. 4, 13, 22.

На столе его пальцы слегка пошевелились, как будто ощущая невидимые клавиши калькулятора.

– Четыре. Тринадцать. Двадцать два, – произнес он впервые. Голос все так же тихий, но в нем появилась металлическая нотка. – Основа. Фундамент. Триединство.

– Что они значат? – спросил Маркус. Не потому, что не знал. Потому что хотел услышать это именно от него. Хотел подтверждения своей догадки, выстраданной за месяцы сидения над картой, фотографиями, отчетами, закрашенными вручную квадратиками календаря.

Он медленно поднял руку и указательным пальцем коснулся своего виска.

– Здесь, – сказал он просто. – Всегда здесь. С детства. Цифры... они живые... Говорят. Поют. Требуют порядка. Гармонии. Мир – хаос. Беспорядочный шум. Они... приносят тишину. Ясность. Когда выстраиваются в правильную

последовательность. Когда сумма... – он повернул голову к калькулятору, – дает чистоту.

– Чистоту через смерть? – вопрос повис в стерильном воздухе.

– Через совершенство, – поправил он и в его глазах вспыхнул холодный, фанатичный огонь. – Каждая жертва – переменная. Ее возраст, адрес, время ухода... все подбиралось для получения идеальной суммы. Идеального сочетания. Только тогда цифры успокаивались. Только тогда в голове наступала... тишина. Та самая чистота. А хаос отступал. На время. Пока они снова не начинали... шептать. Требовать новой гармонии.

Он говорил об этом с убийственной простотой. Как инженер о расчете нагрузки на балку. Никакого пафоса, никакого признания в грандиозности замысла. Просто констатация факта: мир шумит, цифры требуют порядка, я его обеспечиваю. Убийство для него было не страстью, не местью, не игрой. Это была гигиена. Математическая необходимость. Ритуал очистки внутреннего пространства от дисгармонии.

– Ты знал, что я приду, – не спросил, а констатировал Маркус. Его спокойствие, открытая дверь и этот "прием". На это Лео кивнул едва заметно.

– Последняя сумма, – он слегка наклонил голову в сторону блокнота. – Она была... необычной. Сложной. Требовала особой переменной. Агент ФБР. Расследующий. Его визит. Его... параметры. – Он посмотрел на меня оценивающе. –

Возраст. Рост. Вес. Время прихода. Номер квартиры. Все сошлось. Идеально. Замкнутый круг. Полная гармония.

В его глазах светилось торжество чистой, бесчеловечной логики. Маркус был для него не охотником, настигшим добычу. Он был последним штрихом, завершающей цифрой в великом уравнении этого безумия. Частью ритуала.

Холодная сталь кольта под мышкой внезапно ощутилась тяжелее. Пустота комнаты, его безучастный, расчетливый взгляд, тиканье дешевых кварцевых часов где-то на кухне – все это сгущалось в плотную, удушливую атмосферу. Он не боялся. Он ждал. Ждал, чем завершится его последнее вычисление. Будет ли Маркус переменной в его формуле или же станет нарушителем гармонии?

Мурашки, пробежавшие у двери, вернулись. Но теперь это был не страх. Это было осознание. Осознание глубины пропасти, в которую заглянул агент ФБР. Пропasti, выложенной не страстью, а холодной, безупречной логикой цифр. И где-то на ее дне ждал ответ на вопрос, заданный не им, а самой искаженной природой маньякк: что важнее для завершения ритуала – смерть по плану или сбой в безупречной системе?

Правая руку Маркуса очень медленно опустила. Не к кобуре. Пока нет. Ладонь легла на холодную поверхность стола, рядом с его блокнотом, испещренным столбиками, ведущими к убийству. Взгляды встретились в тишине стерильной комнаты. Математик безумия и охотник за узорами в

хаосе. Игра началась. Последнее уравнение ждало своего решения.

-Единственная загадка, на которую я так и не нашел ответа. - первым продолжил Маркус, - Как ты вынуждал их прыгать, Марк? Ни полиция, ни эксперты не нашли даже малейшего намёка на борьбу или насильственную смерть. Тогда как? - голос Маркуса был низким, режущим тишину комнаты, как лезвие по бумаге. Он не отрывал взгляда от бледного лица Лео, застывшего в ожидании.

Тишина повисла настолько густая и тягучая, что создавалось впечатление, что её можно собрать ложкой. Только тиканье дешевых кварцевых часов на кухне - единственного маятника реальности - отбивало секунды. Собеседник очень медленно откинулся на спинку стула. В его глазах вспыхнул тот самый холодный, интеллектуальный блеск, который Маркус заметил ранее. Не торжество, а удовлетворение от сложного вопроса, достойного его гения.

-Насильственная смерть? Борьба? - он произнес это с легким оттенком брезгливости. - Нет. Конечно нет. Это хаос. Неконтролируемая переменная. Физическое воздействие оставляет следы. Шум в уравнении. Мой метод требовал... чистоты входа, - он провел тонким, почти бескровным пальцем по поверхности стола, будто очерчивая невидимую схему. - Ты искал маньяка, Маркус. Искал силу, насилие и страсть. Я же – инженер. Я проектирую системы. И самая сложная, самая прекрасная система – человеческий разум.

В ней есть интерфейсы. Уязвимости протокола, если изволишь, - после Лео замолчал, собирая мысли и подбирая точные слова, как диктор перед выступлением. - Представь сознание как поток. Реку данных, эмоций и образов. Большинство людей плывут по течению, не видя берегов. Но в этом потоке есть... точки турбулентности. Моменты слабости протокола. Микросекунды, когда защитный... фаервол сознания, - он слегка улыбнулся краем губ, - дает сбой. Когда река замедляется, готовая принять новый вектор, - Маркус не шевелился, безотрывно смотря на Лео и ожидая подвоха в каждом его движении. Паранойа? Возможно. Но предупрежден значит, вооружён. Холод стального кольца под мышкой был якорем в этой стерильной комнате безумия. - Я предлагал им дверь, Маркус. И они открывали ее. Сами. Добровольно. - Дверь? - Маркус едва слышно выдавил вопрос.

- Дверь в тишину. В избавление от хаоса. В гармонию, - Марк поднял руку, его пальцы сложились в странную, не то геометрическую, не то ритуальную фигуру. - Это не магия, пусть и очень похоже. Всего лишь точная настройка: акустическая матрица, оптическая подсказка, синхронизация ритмов, - он посмотрел прямо в глаза Маркусу, и в его взгляде было что-то гипнотическое, нечеловечески сосредоточенное. - Голос: тон, тембр, ритм, - продолжал он. - Не слова - они лишь шум. Вибрации. Низкие частоты, резонирующие с базовым страхом. Высокие - вызывающие тревогу. Монотонность, прерываемая точными, как удар метронома, ак-

центами. Это размывает берега реки. Ослабляет... фаервол, - в сознании всплыли отчеты: свидетели, которые ничего не видели, но иногда слышали "какой-то шум" или "непонятный гул" перед гибелью. Низкочастотные генераторы? Или просто его голос, доведенный до совершенства инструмент? - И свет, - словно прочитав мысли, продолжил "инженер". Его глаза казались сейчас огромными и глубокими, как колодец. - Или его отсутствие: мерцание, контраст, тень, падающая под определенным углом, отражение в стекле, создающее иллюзию пустоты или наоборот призыва. Всё это направляет поток и создаёт визуальный вектор. К окну. К краю. К решению. К гармонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.